

СИМВОЛИКА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ ДЖОНА СТЕЙНБЕКА «ЗИМА ТРЕВОГИ НАШЕЙ»¹

Виктория Сергеевна ДВОРЯШИНА
Преподаватель
Кафедра русского языкознания
Узбекский государственный университет
мировых языков
Ташкент, Узбекистан
terra-dvs@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена описанию художественно-психологической функции пространственных образов в романе Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей». Выявляются главные составляющие пространства героя романа (дом, бакалейная лавка, банк, Убежище), уточняется их роль в развитии мотивов свободы и одиночества.

Ключевые слова: нравственно-философская проблематика; герой-интеллектуал; пространство; мотив; одиночество.

ЖОН СТЕЙНБЕКНИНГ “ХАВОТИРЛАРИМИЗ ҚАҲРАТОНИ” РОМАНИДА МАКОН БИЛАН БОҒЛИҚ ОБРАЗЛАР СИМВОЛИКАСИ

Виктория Сергеевна ДВОРЯШИНА
Ўқитувчи
Рус адабиёти ва ўқитиш методикаси кафедраси
Ўзбекистон давлат жаҳон тиллари университети
Тошкент, Ўзбекистон
terra-dvs@mail.ru

Аннотация

Мақола Жон Стейнбекнинг “Хавотирларимиз қаҳратони” романидаги макон билан боғлиқ образларнинг бадий-психологик вазифаларини тавсифлаб ўрганишга бағишланган. Роман қаҳрамонига тегишли асосий маконлар (уй, баққоллик дўкони, банк, бошпана) аниқланган, уларнинг эркинлик ва ёлғизлик мотивларини ривожлантиришдаги роли кўрсатиб берилган.

Калит сўзлар: ахлоқий-фалсафий масалалар; интеллектуал қаҳрамон; макон; мотив; ёлғизлик.

---

¹ Данная статья является продолжением статьи «Образ дома в романе Джона Стейнбека “Зима тревоги нашей”», опубликованной в журнале «Иностранные языки в Узбекистане», № 3, 2017. – С. 222–226.

**SYMBOL OF SPATIAL IMAGES IN NOVEL BY JOHN STEINBEK
“THE WINTER OF OUR DISCONTENT”**

Victoria Sergeevna DVORYASHINA

Teacher

Department of Russian Linguistics
Uzbekistan State University of World Languages

Tashkent, Uzbekistan

terra-dvs@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the description of the artistic and psychological function of spatial images in the novel John Steinbeck's *The Winter of Our Anxiety*. The main components of the space of the hero of the novel (house, grocery, bank, shelter) are identified, their role in the development of the motives of freedom and loneliness is specified.

Keywords: moral and philosophical issues; intellectual hero; space; motive; loneliness.

В своем последнем романе «Зима тревоги нашей» (1961) американский писатель, лауреат Нобелевской премии Джон Стейнбек остался верен себе: здесь, как и в более ранних его произведениях, сегодняшняя жизнь бурно развивающейся, постоянно изменяющейся страны – США – все время соотносится с прошлым, как правило, воспроизводимым с той долей идеализации, которая окрашивает образ минувшего в массовом сознании.

Однако в «Зиме тревоги нашей» автор в то же время отступает от привычного для себя излюбленного места действия. «Страной Стейнбека» литературоведы традиционно называют Калифорнию, точнее, – округ Монтерей, с присущим ему смешением народов и языков, место довольно уединенное, поэтому особенно болезненно переживающее изменения, связанные с натиском новых экономических отношений (5). Но в своем последнем романе писатель сосредоточил действие в одном из небольших городков, типичных для Восточного побережья – вымышленном Нью-Бэйтауне, что в сочетании с биографией главного героя Итена Аллена Хоули, потомка «китобоев» и «пуритан», высадившихся здесь с легендарного «Мэйфлауэра», сразу же расширило для читателя горизонт восприятия событий. Америка прошлого, Америка жизнелюбивых, энергичных людей, Америка патриотов-борцов за независимость постоянно проецируется на Америку настоящего, где потомки первых переселенцев прагматично готовы поставить на службу собственной выгоде не только положение в обществе, но и безупречную репутацию. Более того, деловая столица страны – Нью-Йорк – не так уж далека от переживающего не лучшие дни городка, что делает совершенно очевидным тот факт, что происходящие с героем психологические и нравственные трансформации и открывшуюся ему правду о преступных деяниях жителей тихого и благочинного

городка можно рассматривать как типическое явление, характерное для Америки в целом.

Конечно, в романе, имеющем нравственно-философскую проблематику, совершенно естественным является появление символики, в том числе связанной с образами пространства, которые автор «превращает <...> в некий дополнительный признак события» (4, 25). Стейнбек – мастер аллегорий и ёмких символов. Достаточно в этой связи вспомнить его послевоенные повести «Жемчужина» и «Заблудившийся автобус». Но, в отличие от этих произведений, в романе «Зима тревоги нашей» символическое значение возникает ненавязчиво, только как второй план прекрасно выполненных, разнообразных по манере описаний пейзажа и интерьера, многие из которых имеют связь с психологическим состоянием главного героя или помогают понять логику принимаемых решений на пути к преступлению.

Постановка в центр повествования героя нового типа – рефлектирующего героя-интеллектуала обусловила изменения в характере художественного пространства. Традиционные для произведений «калифорнийской тематики» пространственные образы, ставшие частью национального сознания, – образ дороги, образ путешествия, образ пустыни, образ земли (2) уступают место образам, концентрирующимся вокруг личности главного героя.

Таким образом, пространственные образы, создаваемые в романе «Зима тревоги нашей», носят двуплановый характер: за остро, порой поэтически воспринимаемым настоящим достаточно отчетливо вырисовывается облик прошлого Америки. Как правило, это прошлое оживает в памяти главного героя. Так, например, Итен во всех подробностях может себе представить пришедшую в запустение Старую гавань, и для этого ему нет необходимости смотреть на имеющиеся гравюры и дагерротипы: его память, одухотворенная любовью к деду – «неистовому старику с седой шкиперской бородкой» (7, 45), воскрешает облик дорогого человека и места, бывшего когда-то важной частью жизни его семьи. Согласимся с выводом исследователя творчества Стейнбека Н.Е. Леоновой, которая на материале анализа произведений «калифорнийской тематики» делает вывод, что в творчестве этого американского писателя «пространство моделирует время, психологические, этические, религиозные, этнографические смыслы» (3).

С другой стороны, это пространство прошлого, вкрапленное в день сегодняшней, в романе отмечено печатью запустения, разрушения, ненужности: сгорел в огне пожара загородный дом друга Итена Дэнни; на месте причала Хоули остался лишь каменный фундамент; в историческом центре города сносят

старинную гостиницу, чтобы построить на ее месте новый магазин. Последняя ситуация иллюстрирует собой сущность происходящих в Нью-Бэйтауне перемен, включает в себе их негативную оценку. Этой цели служит цветовой контраст «розово-белых руин» гостиницы и «выкрашенного в желтую краску бульдозера», который герой сравнивает с «хищником, затаившимся в утренней тиши» (7, 11). Таким образом, пространственные образы в романе даются во временной перспективе, благодаря чему у читателя появляется возможность прочувствовать духовный вектор развития страны, поколения граждан которой превращают огромный континент с девственной природой в современное общество потребления. Эта многослойность пространства заметна, например, в рассказе Итена о загородном доме Тейлоров, где герой упоминает о сведенных на постройку кораблей дубах-великанах, о доме с великолепным, в европейских традициях, парком, на месте которого местные дельцы планируют построить аэродром.

Наряду с «фоновым» пространством романа важным для понимания отношения Итена Хоули к ценностям современного американского общества представляет и пространство главного героя, являющееся одной из составляющих духовно-психологической характеристики его личности. Оно представлено четырьмя основными пространственными образами: *домом, бакалейной лавкой, банком и Убежищем*, внутри которых и сосредоточена внешняя и внутренняя жизнь Итена Хоули и развивается сюжетная линия, связанная с несостоявшимся ограблением. Данные пространственные образы по преимуществу характеризуются от лица главного героя. Эти характеристики весьма неоднозначны, но каждый образ имеет возможности для символического истолкования.

Пространство романа, формируемое точкой зрения одного персонажа, эмоционально окрашено и очень компактно: перемещения Итена по Нью-Бэйтауну не занимают много времени, их начало и конец психологически значимы, подчеркивают сложность внутренней жизни главного героя. Основные направления движения Итена – дорога из дома до лавки, путь из дома к Убежищу. Преодолевая эти короткие расстояния, он испытывает мучительные или благотворные метаморфозы: из хозяина превращается в слугу или же обретает свободу, оставляя за дверью дома «наезженные образцы поведения с родными», вызывающими «ощущение тюрьмы» (8, 183), постоянно теряет и находит себя. Это очень важный аспект нравственной проблематики романа, в котором затрагивается в том числе и проблема свободы воли, воли ко злу, нарушению нравственных законов, внутренне перекликающийся с

художественным исследованием нравственно-психологического феномена преступления в русской литературной традиции – в романе «Преступление и наказание» (6, 197).

Символичным является и то обстоятельство, что для реализации плана ограбления банка Итену нужно только перейти на другую сторону улицы. Символический смысл последней детали особенно важен: с ее помощью акцентируется одна из черт общественного сознания американцев с их мечтой о быстром обогащении. Но по отношению к нравственному миру главного героя в этой детали важен выражаемый с ее помощью контраст, существующий между миром физических явлений и духовной жизнью. Хотя «переродившийся» Итен любит подчеркивать сходство мира материального и мира духовного («Если духовный мир подчинен тем же законам, что и мир вещей, значит, все относительно в этой относительной вселенной – нравственность, нормы поведения, понятие греха. Иначе не может быть» (7, 60)), этим несколькими шагами главного героя к осуществлению его замысла предшествует цепь сделок с собственной совестью, насилие над собственной природой, моральные увечья, забыть о которых он не сможет никогда. Отмеченная деталь, подходящая для характеристики пространства, но чуждая нравственному миру человека, таким образом, опровергает циничное суждение Итена.

Контраст внутренней, духовной жизни человека и его внешнего бытия в романе «Зима тревоги нашей» отражен и в соотношении других пространственных образов – образов *дома* и *лавки*, *дома* и *Убежища*.

В предыдущей статье мы отмечали многообразие личностных психологических смыслов, связанных с восприятием главным героем своего дома – фамильного особняка Хоули. Для Итена как для человека, переживающего духовный личностный кризис, дом дает ощущение бытового комфорта, связи с фамильной историей, но при этом он же является пространством несвободы, обусловленной необходимостью добросовестно исполнять социальные роли примерного мужа и отца семейства, бедного, но гордого потомка уважаемой семьи.

Пространство лавки – это перевернутый мир, который пародийно противостоит высоким идеалам прошлого и религиозным ценностям. Это очень хорошо заметно в ансамбле метафор, использованных для ее (лавки) описания. По контрасту с хранящейся на чердаке дома Хоули библиотекой бакалейная лавка (выстроившиеся здесь ряды консервов на полках) – это «библиотека для желудка», освещенные «отраженным кафедральным светом, рассеянным кафедральным светом ... органные трубы консервированных томатов, капеллы

баночек с горчицей, с оливками, сотни овальных гробниц из сардинных коробок» (7, 13–14). Сюда население Нью-Бэйтауна заглядывает чаще, чем в церковь.

В сюжетном отношении лавка – это удачное место для реализации плана ограбления банка. В психологическом – это место «крестных мук» Итена (еще одна ипостась одиночества), пространство «с чертовщинкой» (его примета – бездомный кот-ворюга), чистилище, откуда начинаются и дорога в «ад», и путь к «спасению», место, где берет свое начало и обретает реальность игра. Поэтому с лавкой связан и карнавальный мотив с присущими карнавальному миру темами переодевания, перевоплощения (маска Микки-Мауса, в которой Итен планирует грабить банк), «разнообразными видами пародий и травестий, снижений, профанаций, шутовских увенчаний и развенчаний» (1, 16). В этом мире, ведя шуточные диалоги со своей «паствой» – продуктами на полке и в кладовой – Итен становится самим собой, здесь он блещет остроумием, основанным на хорошем знании жизни и литературы. Отметим, что в обществе и в семье героя «шутство», кроме любовных признаний и нежных обращений к Мэри, не поощряется.

Другой полюс мира, в котором живет, принимает решения и действует главный герой, – это банк. В мире лицемерия и перевернутой системы ценностей это мертвящее, парализующее волю мистическое пространство предстает как обиталище «великого бога чистогана», которому поклоняются жители Бэйтауна, положившие в основу своих поступков единственную заповедь «деньга деньги делает».

В контексте романа интересным представляется тот факт, что три из названных выше пространственных образа (*дом, лавка, Убежище*) связаны с мотивом одиночества, что образует внутреннюю нравственно-психологическую линию, своеобразную мелодию романа, определяющими для которой являются взаимодействующие мотивы одиночества, «одинокоего огня» и человеческого единства, «содружества огней» (7, 274).

Образ Убежища – самый сложный из ключевых пространственных образов «Зимы тревоги нашей», что не раз отмечали исследователи творчества Стейнбека, пытаясь трактовать его как результат влияния различных философских учений. Ему отводится много места в рассуждениях Итена, с композиционной точки зрения он занимает самую сильную позицию в финале произведения, также демонстрируя при этом многоплановость и постепенное приращение художественных смыслов. Если в начале романа главный герой сопровождает свое пребывание в Убежище предельно рациональным комментарием («Я, конечно, слышал про всякие там теории насчет влечения к

смерти или тяги назад, в материнскую утробу – может быть, они и приложимы кое к кому, но не ко мне, разве только в качестве упрощенного объяснения того, что на самом деле не так просто» (6, 48)), то в финале Убежище – это пограничье, место, где осуществляется экзистенциальный выбор человека. Пребывание в Убежище открывает путь к тотальному одиночеству и абсолютной свободе (свободе отказаться от жизни) вследствие крушения надежд и признания бессмысленности собственного существования или же убеждения в возможности сочувствия и понимания между людьми. Итен выбирает второй вариант, заново рождаясь в мир.

Таким образом, символизм, присущий пространственным образам романа Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей», способствует отображению глубоких противоречий в жизни американского общества. Ключевые пространственные образы романа помогают акцентировать внимание на внутреннем, нравственно-психологическом конфликте в его взаимосвязи с общественными настроениями и национальными особенностями мировосприятия.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная смеховая культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
2. Горобченко И. В. Своеобразие художественного пространства в романе Джона Стейнбека «Гроздь гнева» // Известия Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2012. – № 27. – С. 248–251.
3. Леонова Н.Е. Семантика художественного пространства в произведениях Джона Стейнбека. Автореф. ... канд. дисс. – М., 2004 (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/semantika-hudozhestvennogo-prostranstva-v-proizvedeniyah-dzhona-steynbeka>
4. Мататьяева Л.М. Символичность категорий пространства и времени в художественном произведении // Вестник Социально-педагогического института. Гуманитарные и естественные науки. – 2014. – №2(10). – С.24–27.
5. Мулярчик А. С. Социальные романы Джона Стейнбека (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/socialnye-romany-dzhona-steynbeka-read-201135-1.html>
6. Орлова Р.Д. Деньги против человечности (Заметки о творчестве Джона Стейнбека) // Иностранная литература. – 1962. – № 3. – С.197–208.
7. Стейнбек Джон. Зима тревоги нашей. Собр. соч. в 6-ти тт. Т.6. – М.: Правда, 1989. – С.5–276.
8. Шеманова Н.А. Жизненные кризисы в литературном отражении. – Психология и литература в диалоге о человеке: коллективная монография. Серия 1. Выпуск 1. – М.: РШБА, 2018. – С.182–185.